

100-летию со дня рождения
А. М. Топорова

Яков КРИВОНОСОВ

„НЕЗРИМЫЙ ПАССАЖИР“

Информация к размышлению — сроки жизни наиболее известных коммун: «Брук Фарм», коммуна оуэнистов, США, 1841—1846 годы; «Ефрата», США, 172 года; «Гармония», США, 102 года; «Жизнь и труд», коммуна толстовцев, 1921—1936, Подмосковье — Кузбасс; «Майское утро», Алтай, 13 лет. До настоящего времени существуют «Твин Оукс», США, с 1967 года; «Брудергоф», Германия — США, с 1920 года; «Гоф Гиноссар», Израиль, с 1932 года и еще около трех тысяч коммунарских общин. Из них в СССР — ни одной.

Так уж сложилось на Алтае. Как только упоминается коммуна «Майское утро», возникает имя ее учителя — А. М. Топорова. А вместе с ним книга «Крестьяне о писателях», ученик Топорова С. П. Титов и его сын — космонавт Г. С. Титов.

Стоит на алтайской земле памятник коммунарам, принимает экскурсантов музей космонавта в селе Полковникове, недавно по экранам страны прошел документальный фильм о коммуне.

Как писали в былые времена: «прямой и славный путь от борозды земной до космоса».

Но вот берешь в руки документы о тех же людях и о жизни коммунаров, начинаешь осознавать как нелегко, драматичен этот путь.

У нас пока мало серьезных и всесторонних исследований коммун. Потому что большинства наших земляков представления о коммунах или одностороннее, или искаженное.

Мои первые познания об этом необычном для крестьянского быта явлении — от матери и бабки. Они со смехом рассказывали, как сгоняли в одно место скот, а коровы и лошади проявляли несознательность, то и дело убежали домой. Но самыми некоммуникабельными оказались куры, которых свезли на двор к моей бабушке. Петухи дрались с утра до ночи, а куры немолчно кудахтали и находили щелки, чтоб улизнуть.

Правда, было это в 1929 году, рети-

вых организаторов этой заварухи вскорости поправили; к вящему удовольствию буренок и пеструшек, им дали волю.

Позже стало известно противоположное: о знаменитых коммунах — «Свобода», которой Ленин подарил трактор (от нее осталось Ильичево поле), «Майское утро», где работал учителем автор книги «Крестьяне о писателях» А. Топоров и воспитывался отец космонавта Г. Титова — Степан Павлович.

Оказалось, задолго до наших доморощенных коммунаров и даже до революции в коммуне жил молодой композитор М. Мусоргский, а летом семнадцатого года алтайские художники — в селе Чемал.

По имеющимся сейчас сведениям первой на Алтае была коммуна «Наш путь», основанная в начале 1918 года рабочими Петроградского оружейного завода в селе Локоть. Коммунары только успели посеять хлеба, а жать им не пришлось: в июне коммуна была разгромлена контрреволюцией. Часть ее членов, пройдя через белогвардейские тюрьмы, оказалась в с. Зимино и стала застрельщицей революционной войны против колчаковцев.

Здесь хочется поделиться одной загадкой. Примерно в то же время, когда создавалась эта коммуна, в газете «Голос труда» — органе Алтайского губернского Совета — появилось сообщение, что 31 марта 1918 года на общем собрании Барнаульской организации эсеров рассмотрен вопрос о коммунах. (В скобках напомним читате-

лям, что в то время в стране была многопартийность и в начале 1918 года эсеры действовали как одна из правящих партий).

На собрании заслушан доклад некой «социалистической группы «Наш путь» и обсужден устав общества землеробов — коммунистов. Загадка в том, что названия общества и локтевской коммуны совпадают. А вот ответа: та ли это группа, пока нет.

Тем не менее интересно узнать о тех принципах, на которых, в соответствии с обсуждавшимся уставом, должна строиться коммуна.

«Общество задалось целью обрабатывать землю, заниматься скотоводством, коневодством, птицеводством, садоводством, обрабатывать лес и приводить его в хозяйственный порядок.

В обществе должны работать все до одного и один за всех, ни от какой работы не должны отказываться.

В обществе должны быть свои руководители, избранные обществом.

Все, приобретенное на коммунистических началах, считается достоянием общества.

Приобретенное до вступления в общество имущество коммунаров, как-то: платье, деньги, считаются собственностью его владельца всегда.

Образование детей обязательно.

Пьянство не допускается».

Выписаны некоторые характерные положения устава.

Собрание приветствует благие желания коммунаров».

Однако реализацию «благих желаний» пришлось отложить: грянул контрреволюционный переворот.

Но идеи, заложенные здесь, стали основой уставов первых коммун.

Бурное развитие коммун началось сразу после освобождения края от колчаковщины. Основателями их во многих местах стали партизаны. Они создали коммуны «Новый свет» нынешнего Шипуновского района, «Красные орлы» Смоленского, «Свобода» Родинского, «Любовь и Правда» Алейского района. Названия коммун ярко отражают надежды крестьян на светлую, обновленную жизнь, их, может быть, утопическую, романтическую настроенность. «К свету» (с. Каменка), «Луч Солнца» (Васильевка Бийского уезда), «Путевая звезда» (Шатуново Чумышского района), «Новый мир» (Новоогорьевского, ныне райцентр). Крестьянские идеалы свободного труда выражали «Труд и знание» — Косихинский район, «Трудовой муравей» — Фирсово под Барнаулом, «Свобода» — Верх-Жилино Косихинского района, «Свободный путь пролетария» — Березовка, ныне Краснощековский район, «Братство свободы» — Карабинка, Солтонский район, «Общая польза» — Смоленское, «Заря справедливости» — Камышенка Бийского уезда. Была в селе Павловском даже коммуна по имени «Долой обман», позднее получившая название «Ленин».

Были коммуны, организованные на базе религиозных общин, национальных сел. Среди них коммуна «Странник», созданная

баптистами-евангелистами в девяти верстах от Зменогорска.

В Веселоярске Рубцовского округа в 1928—1929 годах существовала коммуна «Новая Корея», которую основали корейские поселенцы.

К сожалению, пока нет точной статистики по коммунаам. Сложность подсчетов в том, что даже географически Алтайская губерния первых послереволюционных лет не совпадает с современным краем. К тому же постоянно шли процессы их образования, роспуска, слияния, разъединения. Тем не менее общая тенденция в их развитии просматривается определенно. В докладе на пленуме губкома партии 13 июня 1922 года заведующий губземотделом Кривошеков сообщал: с марта 1920 года по май 1921 года число коммун выросло с 30 до 680, затем стало уменьшаться и к началу пленума их осталось около 300. В другом документе того же губземотдела, относящемся к 1925 году, сообщается: выросшие «из революционного энтузиазма партизанских отрядов» коммуны стали распадаться из-за отсутствия «прочного экономического фундамента». Объединялась «голь перекатная», а разоренная страна помочь ничем не могла. Тем не менее «около 140 коммун губернии упорно продолжают существование без всякой помощи государства и кооперации».

Первый устав коммуны «Майское утро», зарегистрированный Алтайским губернским земельным управлением 19 апреля 1920 года, гласил:

«Граждане, поступающие в коммуны, должны ликвидировать все свои имущественные обязательства и долги, принадлежащие им постройки, живой и мертвый инвентарь и деньги передать в распоряжение коммуны».

Никто из членов коммуны не может получать за свой труд в пределах ее хозяйства особого вознаграждения ни деньгами, ни продуктами, кроме удовлетворения его потребностей наряду со всеми членами коммуны».

Позднее устав несколько раз пересматривался, дополнялся положениями, устранявшими уравниловку и прокладывавшими дорогу к большей заинтересованности каждого в труде.

Одно из первых зданий, построенных коммунарами на прекрасной поляне возле березового колка, было школьное. Сюда пригласили знакомого им учителя из села Верх-Жилинское, откуда они и сами выдвинулись, А. М. Топорова, Адриан Митрофанович, сын крестьянский, родился, окончил двухклассную учительскую школу и учительствовал в Курской губернии. Свой переезд на Алтай он позднее объяснял так:

«Тоска по другой, вольной жизни вошла в моих родителей, соседей, в меня с детских лет. Мы все мечтали «уйти из провальной ямы» в Сибирь, которую представляли себе пугающим, но сказочно богатым Беловодьем».

Пожив немного в Барнауле, он под влиянием народнических идей поселяется в Верх-Жилинском и за шесть дореволюционных лет завоевывает доброе расположение сельчан.

К 1928 году коммуна уже стояла на прочных ногах, а слава о педагогической, просветительской и общественной деятельности А. Топорова шагнула далеко за пределы Алтая. Семь лет он читал коммунарам книги русских и зарубежных классиков, произведения молодой советской литературы и записывал их отзывы, которые частично были опубликованы в бийской окружной газете «Звезда Алтая» и в «Сибирских огнях».

Еще 6 декабря 1924 года газета «Красный Алтай» — орган губкома партии — в информации «Селькория» сообщала: «Конкурс на лучшего селькора закончен. Первая премия присуждена тов. Топорову А., учителю коммуны «Майское утро». Он дал наибольшее число корреспонденций, наиболее хороших, имевших большие практические результаты».

17 марта 1928 года А. М. Горький писал из Сорренто В. Зазубрину, что читал высказывания коммунаров, «захлебываясь от удовольствия». Позднее он назвал их «подлинным гласом народа».

Но именно в эти дни, а точнее — 21 марта 1928 года в газете «Советская Сибирь» появилась огромная, почти на всю полосу, статья, разоблачающая «топоровщину», которая процветает в коммуне «Майское утро» вместо «подлинного коммунистического просвещения».

Сюжет статьи такой. Спецкор газеты под псевдонимом О. Бар, в жизни Барабышев, «случайно» попадает в коммуну. Устроившись с ночевкой, он узнает, что хозяин квартиры собирается идти в школу, где по вечерам сходятся «вместе все коммунары».

«Я, конечно, иду с крестьянином. Никто не знает, кто я такой. Смогу сесть в угол и наблюдать».

Так он и сделал.

Если смотреть на этот вечер не «баровскими» глазами, то становится ясно, как много делает учитель в простой будничной вечер для повышения культуры коммунаров. А ведь днем он еще провел занятия в школе.

В школе играл оркестр. Но Бару он сразу не понравился: музыканты-новички, «игра ладилась медленно», «Топоров резко оборвал свою скрипку».

После пятиминутного перерыва учитель вновь появился у стола на сцене с «Советской Сибирью» в руках. «Побеседуем о последних новостях». Тут Топоров «вульгаризировал» сообщение о забастовке английских горняков, оскорбил китайскую революцию и весь китайский народ, недооценил роль компартии Китая, проявил неклассовый подход к оценке национально-освободительной борьбы индийского народа.

Во время третьей — литературной части вечера Топоров читал «Гайавату» Лонгфелло, назвал автора гуманистом, хорошо отзывался о переводчице Иване Бунине. Это Бара возмутило: «Русский белогвардеец-помещик... попал трудами Топорова в добрые люди, гуманисты». Чтец принизил советское правительство, подтвердив догадку одного из коммунистов, что идея мира, разоружения появилась до него, и где,

страшно сказать — в Америке. Герои Лонгфелло, как известно, курят трубку мира.

Наутро корреспондент узнает о Топорове еще много негативного. Он, оказываясь, считает Есенина любимым поэтом советской деревни, семь лет не вступает в коммуны, у него своя баня, собственная квартира, отдельная квартира. Семья у него злая, дети барчуки, а сам он «барин — только держись».

Дальше следуют размышления Бара. «Чего больше приносит Топоров: пользы или вреда? Сознательный он реакционер или еще не переделанный педагог. Ведь если это так, то, значит, перед нами хитрый классовый враг, умело окопавшийся и неустанно подтачивающий нашу работу. Авторитет его — теперь ширма, непроницаемая броня для, по существу, далеко не нашей агитации».

Как звучит: «далеко не нашей!»

В союзники себе автор статьи записал секретаря Косихинского райкома партии, который якобы сказал о Топорове: «Ожегся на открытой борьбе, теперь ведет исподтишка».

На бюро райкома партии 26 марта, где обсуждалась статья, выяснилось: автор искажил беседу с первым секретарем райкома.

Тем не менее бюро райкома не поддержало корреспондента «Известий ВЦИК СССР» А. Аграновского, выступившего там в защиту А. Топорова.

Показательно высказывание одного из членов бюро — Котлячкова: «Его характеризовать я могу так, что он, Топоров, индивидуалист-идеалист с анархическим уклоном. Что значит читать Толстого, Мольера и других крестьянам и им советовать самим читать, а значит, заниматься чтением ради чтения и отрывать дорогое время — в лучшем случае, а в худшем дать крестьянам, при топоровском толковании, определенное направление мысли, последнее мы видим в коммуне. В коммуне партийцы... партийные указания считают для себя необязательными. Это можно сказать и о молодежи».

В постановлении бюро записано: «Личность Топорова и его политическая деятельность для партийной организации остается пока сомнительной». Хотя и подчеркнуто, что О. Бар беседу с секретарем райкома «возмутительно искажил».

Как видим, и райком партии увязал вину учителя с обвинением всех партийцев коммуны.

В чем дело? Можно как-то понять первого секретаря райкома А. Е. Беспалова, он мало работал в районе и плохо знал Топорова, он мог считать личность учителя «не выясненной». Но остальные-то члены бюро его знали достаточно хорошо не только по коммуне, но и по работе заведующим райотделом народного просвещения.

В какой-то степени отношение к Топорову можно объяснить его «поперечным» характером. Он явно был не сдержан на слово, не стеснялся давать резкие, нелицеприятные характеристики и ребятам, и начальству. Обращает на себя внимание то, что в характеристике, подписанной представителями райисполкома, райкома партии и

райсовета профсоюза работников просвещения записано: «неуживчив». В анкете, заполненной лично Топоровым, на вопрос: подвергался ли наказаниям в судебном или административном порядке, он отвечает: «В административном порядке подвергался наказанию командиром 2-го железнодорожного батальона в Барнауле за оскорбление офицера».

В книге «Я учитель» Топоров сам признается: «строптивость характера осталась при мне».

Немало насолил ответработникам района Топоров как селькор. На упомянутом бюро райкома один из его членов — Матросов прямо обвинил учителя в том, что он в статье в журнале «Просвещение» представил парторганизацию района «как загнивающую», сколотил «известную группу» из учителей района, которые «подтачивают под нами почву».

Но, пожалуй, самое главное, что роднило коммунар и учителя, вызвало решительное неприятие в условиях складывающейся командной централизованной системы — это постоянное отстаивание ими права на независимость мысли и действия, на самостоятельность, как отмечено в постановлении бюро «указания не считают для себя обязательными».

Так, коммунары долгое время сопротивлялись понуждениям к численному росту коллектива. За семь лет существования коммуна прошла стадии роста до 359 членов и распада до 112 человек, теперь костяк коллектива устоялся, приработался, морально сплотился и, естественно, ценит и охраняет так нелегко сложившееся единство.

Перипетии борьбы вокруг статьи в газете взбудоражили и общественность, и руководство всех уровней, вплоть до краевого, и коммунар, и даже учащихся.

С просьбой к окружному партии создать комиссию по расследованию дела на месте обратились окружной комитет комсомола, комфракция окружного совета профсоюза работников просвещения.

Окружком такую комиссию создал, ее возглавил секретарь окружкома И. С. Нусинов.

Комиссия провела серьезное и всестороннее обследование коммуны, материалы его хранятся в партархиве крайкома КПСС.

Она подтвердила, что «сама по себе коммуна желая вырасти количественно не проявляла, а к тому толкнули ее партийные директивы».

«Перед райкомом партии стоит задача о максимальном проведении директивы крайкома о 100% увеличении численного состава для этой коммуны в текущем году».

Несмотря на почти двухкратное уменьшение трудоспособных со 140 в 1921 году до 76 в 1928 в коммуне отмечен экономический рост по всем отраслям хозяйства.

Всего ценностей коммуны в расчете на едока было до 500 рублей, стало 1500. Сеяли хлебов в 1921 году 160 десятин, в 1928 — 295.

«Животноводство ведется все более культурно, животные содержатся в теплом

дворе, получают установленную агрономом дачу корма, коровы вновь принимаемых коммунар через короткое время дают больше молока и с большим количеством жиров. Это окрестному крестьянину великомерно известно».

Стоимость подсобных предприятий выросла с 24 до 4378 рублей. Имеется водяная мельница, кирпичный завод, кузница. Мельница обслуживает окружающее население. Все они дали в год 3,2 тысячи рублей прибыли.

С 1925 года коммуна — репродуктор чистосортного зерна пшеницы и овса.

Вместе с тем животноводство «не вышло из стадии обслуживания потребительских нужд коммуны, расходы поэтому не окупаются и оно, в общем, убыточно».

Свою хозяйственную деятельность коммуна ведет на основе хозрасчета. Оплата вложенного коммунарками в общественное хозяйство труда производится поденно, причём за рабочий день (10 час.) мужчины и женщины получают различно — мужчины 50 коп., женщины — 45 коп. и подработки от 20 до 40 коп. Нетрудоспособные и дети обеспечиваются за счет коммуны. Дети старше десяти лет мыслятся такими, что в значительной мере могут зарабатывать в сезон полевых работ на свое содержание. Для детей дошкольного возраста усматривается площадка, где их питают, ухаживают за ними за счет коммуны.

Вместе с тем «руководящая часть коммуны, да и многие коммунары не видят в поденной оплате достаточных стимулов к интенсивности труда».

Заметим, что в 1929 году коммуна по инициативе партийкейки перешла на сделную оплату труда.

«Майское утро», — отмечают проверяющие, — в сравнении с другими коммунами культурно стоит высоко, и это сразу бросается в глаза, недаром коммуна за культурность не так давно была премирована на 1000 рублей.

Из школьников составлен струнный оркестр, в коем одних скрипок десять штук.

Порядочно выписывается газет и журналов, и все они читаются.

Школа четырехлетка поставлена образцово.

Многo взрослых коммунар окончили целый ряд различных курсов.

Детишки румяны, имеют здоровый и чистенький вид. В домах чисто. Питаются коммунары лучше крепкого середняка.

Взаимоотношения между коммунарками вполне хорошие и это очень выделяется рельефно».

В Государственном архиве Новосибирской области хранится объемистый отчет о «монографическом обследовании коммуны, сделанном летом 1929 года членами Общества изучения Сибири. Научные работники Е. Н. Орлова, П. В. Лебедев и практиканты Новосибирского краевого музея провели изучение истории, экономики, быта и культуры коммунар. Записано даже, чем питаются коммунары.

Поражает состав и обилие подписных изданий, получаемых коллективом. Пожалуй, ни одно современное хозяйство края

не сможет соревноваться с «Майским утром». Затраты на эти цели составили в 1926 году 82 рубля, в 1927 году — 136, в 1928 — 220 рублей.

Выписывалось 14 газет и 30 (!) журналов. Газеты: «Советская Сибирь», «Красный Алтай», «Крестьянская газета», «Правда», «Известия», «Беднота», «Кооперативная деревня», «Юный ленинец». Журналы: «Безбожник», «Пионер», «Огонек», «Сибирские огни», «Женский журнал», «Крокодил», «Большевик», «Красная новь», «Новый мир», «Молочное хозяйство», «Сам себе агроном», «В помощь земледельцу».

В библиотеке коммуны не залеживались подолгу книги Г. Гейне, В. Гюго, Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина, М. Горького, В. Маяковского, А. Островского, В. Катаева, С. Есенина, Л. Леонова.

«В связи с тем, что у коммунаров отпала масса забот: не надо прясть, ткать, чинить обувь, упряжь... внерабочее время они посвящают сну, питанию и отдыху, много читают книг, газет и журналов, — говорилось в обследовании. — Школа даже в летнее время по вечерам посещается взрослыми».

Это небывалое для села отступление от вечных порядков впоследствии поставили в вину коммунарам и Топорову, как одну из «хитрых враждебных вылазок» по отвлечению от дел.

Многообразие культурных инициатив А. М. Топорова не может не поражать.

Он приглашает в коммуну известного скульптора барнаульца С. Р. Надольского, который давал уроки рисования ребятам и, что не менее важно и интересно, «рисовал и лепил знатных коммунаров» на глазах сельчан.

Писатель Борис Горбатов не только «живьем» встречался с коммунарами, но и вместе с ними исполнял роль Вральмана в самодельном спектакле «Недоросль».

И совсем уж невиданное дело: Топоров наладил в коммуне выпуск сатирической световой газеты. Карикатуры рисовали на стеклянных пластинках. Показывали газеты не только в школе, но и на полевых станках.

С группой оркестрантов учитель выезжает в райцентр и в Новосибирск.

В коммуну ехали нескончаемые экскурсии из городов и сел Алтая, из Томска, с Кавказа, была группа иностранцев — слушателей Высшей партийной школы из Москвы.

Жизнь не баловала коммунаров отсутствием драматических и даже трагических событий.

В начале двадцатых годов бушевали крестьянские восстания, свирепствовали отряды анархистов, называвших себя «роговцами». Коммунары получали письма с угрозами расправы, если они не выйдут из коммуны.

По воспоминаниям А. Топорова, его первая статья, опубликованная в газете «Красный Алтай», называлась «В кольце врагов». В ней ставился вопрос об обеспечении коммунаров оружием, что, к его удивлению, быстро было сделано.

В 1922 году произведен поджог квар-

тиры секретаря парторганизации. Уличенная в поджоге женщина была жестоко избита своими родственниками. Прибывшие следователи не нашли ничего лучшего, как арестовать весь состав совета коммуны. Во время их отсутствия группа недовольных собрала часть коммунаров и, дезинформировав их, добились выборов нового совета. Однако скоро старый совет был выпущен и общее собрание поставило все на свои места.

В 1923 году разгорелся конфликт по отношению к пьянству. Дело в том, что в первом уставе была записана обязанность соблюдать завет трезвости. Как это ни прискорбно, нарушителем оказался организатор и первый председатель совета коммуны В. А. Титов. Он не смог удержаться от угощений за счет коммуны многочисленных гостей, экскурсантов, а также заглядывающего сюда начальства разных рангов.

Возмущенная группа коммунаров выставила настоящие библейское требование: «пьяниц отделить от трезвенников».

Председатель убеждал, что этот зарок нереален и потому и невыполним. Но большинство настаивало на соблюдении устава.

Тогда 14 семей, объединившихся на основе невозможности отказаться от спиртного, отделились и перебрались через речку, образовав там коммуну «Майская заря». Осталось 24 семьи, 112 едоков.

Как и следовало ожидать, гнилая основа полезла вскоре по всем швам и новая коммунa распалась. Пять семей во главе с В. А. Титовым преклонили головы перед трезвым уставом и были приняты. Вплоть до укрупнения коммунары с честью выдержали завет трезвости.

Названная ранее комиссия окружкома провела массовый опрос коммунаров. Ответы настолько интересны, дают такие живые подробности из жизни коммуны и учителя, так выразительно характеризуют самих коммунаров, что хотелось бы их опубликовать полностью.

«Я, зная учителя Топорова вот скоро три года, никаких, хотя бы и небольших подозрений по политической части за ним не замечала. Наоборот, я вижу в нем очень полезного и преданного человека Советской России».

Он читает нам всегда газеты и делает доклады. Неправдоподобного и насмешливого в его объяснениях об иностранных событиях и внутренних Советской России не замечаем (как заметил Бар за каких-нибудь полчаса), хотя мы не такие уж дураки и олухи, какими он нас представил.

Учитель Топоров читает нам всегда временные книжки, спрашивает наше мнение о прочитанном, но свои мнения он никогда нам не говорит. Нашу критику и мнения отдельных личностей за общие он никогда не записывает (как отметил Бар), а если получается разногласие, то учитель предлагает проголосовать. Старые книжки он читает нам изредка для сравнения с новыми, хотя, признаться, некоторые старые книжки нам больше нравятся, чем некоторые новые. Барского учитель из себя ни-

чего не представляет, насколько я его знаю, а напротив, он очень со всеми прост и никакой особенной важности из себя не строит. И дети его отличаются от крестьянских детей только тем, что не строят рожи взрослому человеку и не обзовут его хулиганским словом, что часто встречается с крестьянскими детьми их возраста.

Жена учителя тоже никакой важной персоны из себя не строит, как это бывает очень часто с городскими особами. Зла (как написал Бар) я в семье совсем не заметила. Напротив, они бывают очень добры к нам, особенно в несчастных случаях, с которыми мы часто обращаемся к ним, они никогда не отказывают нам, всегда оказывают помощь делом и советами.

Тут, по всей вероятности, нашлись люди, которых заела зависть против человека, который живет в глуши, смог приобрести себе авторитет не только во всем районе, но даже и в Москве известен, и вот решили своей наглой ложью и клеветой опозорить и замарать такого дельного и нужного всем человека. М. Шитикова.

«Адриан Митрофанович Топоров относится к коммунарам, как мать с детьми. Они к нему тоже хорошо. Он и к Верх-Жилиной относится тоже хорошо. Он туда в революционные праздники ездит и делает доклады. Если туда едут коммунары и с ними Топоров, то граждане Верх-Жилинского станут веселее. Он в школе каждый вечер читает газеты, журналы, книжки. На чтение коммунаров собираются помногу. Когда Адриан Митрофанович прочитает какую-нибудь статейку из книги, ее начинают критиковать. К праздникам готовит школьников делать доклады. Сам делает, и комсомолы и партийцы. Потом ставят спектакль и играют на музыке. Если Адриан Митрофанович замечает непорядки в райкоме да продергивает в «Красный Алтай», то это хорошо. Он коммунар помогает развиваться и быть культурными. Такого учителя иметь бы в каждой коммуне было бы не худо. Тогда бы коммуны стали развиваться и стали культурными. Он в школе учит шесть групп, а надо бы три. Но он желает, чтобы коммуна меньше истратила денег. На него говорят, что он «контр». Если бы он был «контр», то он бы шел против Советской власти, а он идет за Советскую власть и стремится к ней не как другие служащие, а пуще. Какой-то приехал шпион и узнал, каким духом дышат коммунары, сидел за печкой, смотрел меж пальцев и узнал всех меньше. Достижения у коммуны очень большие с Топоровым, если бы не он, жили бы как в деревне неграмотные, а теперь ликвидировали всю безграмотность. Например, я в деревне был совершенно неграмотным, благодаря Топорову стал грамотным. Федор Михайлович Сашин».

«На первых порах мы ставили: «Боевые соколы», «Пурсоньяка», «На дне», «Золотое сердце», «Любовь Яровую», прочие я не могу упомнить. Ставили спектакли не

только в коммуне «Майское утро», но часто и в коммуне «Свобода» и даже ездили в деревню за двенадцать верст.

В заключение должен сказать, что эта небольшая цветущая поляна, которая хочет пустить корни, и чтоб от этих корней зацвела вся Сибирь и Советский Союз.

По-видимому есть такие люди, которые стараются облить эту поляну какой-нибудь гадостью, чтоб она повяла. Н. Титов».

«Топорова я знаю уже двенадцать лет. В 1915 году он приехал к нам в деревню учительствовать в школу. Сразу мы с ним познакомились. Через несколько времени я должен был поехать на германскую войну. Когда я вернулся в свою родную деревню, была уже Советская власть. Мне сразу бросилось в глаза то, что было организовано вроде клуба, под руководством Топорова и других наших граждан, вернувшихся с фронта. Там читались газеты, говорилось о большевиках, об эсерах, о значении социальной революции. Между попом и Топоровым получилась распря. Поп начинает вести травлю учителя через кулаков на почве религии. Когда начались чешские восстания в Сибири, то наша группа распалась. Кулачье, воспользовавшись этим, выгоняет Топорова из села. Он едет в Бийск и там попадает в армию Колчака. Потом дезертирует к нам в деревню. Здесь он живет тайно. Когда мы пришли к нему, он нам говорил, что Россия гибнет, затопленная в крови продажной сволочью. Единственное спасение страны — Советская власть.

Когда партизаны заняли нашу деревню, то был организован военный штаб. Топоров работал в штабе, потом начал учить детей, но через несколько времени был взят в районное село. Его назначили заведующим районом. Но он был недоволен своим назначением. Ему хотелось исполнять живую работу, а не переписывать бумаги.

В 1921 году он переходит в нашу коммуну. Здесь он начинает читать нам книги. Сначала в большинстве читали старых писателей, ставилось много спектаклей. Ставили: из Писемского «Горькая судьбина», «Боевые соколы», Горького «На дне», Островского «Лес». Потом перешли на более современную литературу. С этого начинается наша критика литературы.

За все прожитое время в коммуне у нас было много курьезов. Но мы их пережили, много у нас было посетителей. Один раз к нам заезжал человек в очках. Я, будучи зам. председателем, встретил его. Из его документов я узнал, что корреспондент «Советской Сибири». Я устраиваю его на квартиру. Вечером он приходит в школу. Никому ничего не сказавши, он садится на заднюю скамью. Со мной он обменялся только несколькими фразами. Я думал, что утром он объяснит цель своего приезда, но очень удивился, когда он уже собирается ехать. Простился со мной и уехал. Мне показалось странным, что он уехал, ничего не сказавши.

После этого я встречаю в «Советской Сибири» статью, которая, на мой взгляд, очень несурзная. Она говорит, что Топо-

ров колчаковский охотник, реакционер, ведет в коммуне никуда не годную работу. В этой статье много слов выдуманных. Автор статьи говорит, что Топоров неверно освещает ход китайской революции. Мы ведь понимаем, кто руководит «большими ножами» и «красными пиками», поэтому нам объяснять не требуется.

Разговор с ямщиком ни с чем не связан. Ямщик осуждает Топорова и его семью. Почему бы тов. Барабашеву не спросить у нас.

Я спросил бы тов. Барабашева не так делать обследования, не брать с лету, а спросить кого следует и как следует. Я придаю статье большое значение, потому прошу опровергнуть ее на страницах газет.

За все изложенное отвечаю я, Иван Андреев, зам. пред. коммуны.

«Пишу свое мнение о той статье, в которой наш учитель, Адриан Митрофанович продернут и про него наврото, что какая-нибудь пятая часть есть правда, а то все ложь. Я живу уже восьмой год и не слышала таких слов, которых тот товарищ написал в газетку, и наш учитель для нас хорош, и мы от него никогда не слышали, чтоб он говорил что-нибудь против Советской власти. Он нам всегда рассказывает, как надо жить и стремиться к новой жизни. Харитина Тубольцева, комсомолка».

«Я, коммунары Шитиков, приехал из России в 1925 году в марте месяце и сразу поступил в коммуну. С этих пор я стал знать учителя Топорова. В первое время моего приезда я был равнодушен к учителю, к школе, ко всей его учебе, но потом услышал, что в школе играет музыка по вечерам. Меня заинтересовало, и я пошел послушать. Но когда стал туда ходить, мне не столько музыка, сколько газеты и книжки понравились. Я был политически совсем не развит и ни черта не понимал ни в газетах, ни в журналах, они меня несколько не интересовали. Теперь, благодаря учителю Топорову, у меня явилось пристрастие ко всему этому. Он сумел сделать меня понимающим и сознательным и благодаря этому меня потянуло к общественной жизни и к партии, куда я пошел немедленно. А что написал Бар, будто бы Топоров разъясняет нам газеты по-своему и не так как оно есть, так это явная злоумышленная ложь. Газеты мы всегда читаем и, другой раз, вперед учителя, то когда он говорит об этом в школе, это уже становится не новым. Я считаю его, учителя нашего, хоть он и не партийный, но вполне может заменить собою сотню таких партийных, как Бар. Если бы таких учителей побольше в деревнях, то число партии значительно бы увеличилось. Теперь я хочу подметить, что же мы хорошего услышали от этого партийца, как Бар? Ничего. А своей нелепою статьей он меня так оглушил, что я три дня аж есть ничего не хотел и меня трясло, как в лихорадке. Теперь посадите сами, какое же он о себе мнение оставит после этого? Да он не то, что себя, он даже и партию своей ложью позорит. Д. Шитиков».

19 мая 1928 года бюро Барнаульского окружкома ВКП(б) постановило:

— Констатировать полное искажение т. О. Барабашевым в своей статье действительного состояния политико-просветительной работы в коммуне «Майское утро» и совершенную необоснованность и недобросовестность его обвинений учителя Топорова в скрытой враждебности к партии и Советской власти.

— Ввиду того, что активная общественная и особенно разоблачительная работа т. Топорова, как селькора, естественно приводит к обострению его отношений с отдельными остальными и некултурными элементами учительства и отдельными бюрократившимися работниками аппарата, — предложить райкому ВКП(б) обеспечить т. Топорову нормальную обстановку для работы, оградив его от необоснованных клеветнических обвинений во враждебности к партии и Советской власти.

— Поручить т. Нусинову написать статью в «Советскую Сибирь», освещающую положение дел в коммуне и истинную роль учителя Топорова в ее культурном росте на основе выводов комиссии.

12 июня 1928 года статья «Об учителе Топорове, «топоровщине» и «проницательности О. Бара» была опубликована в газете «Советская Сибирь».

Статья Нусинова выдает в нем опытного партийного работника, хорошо знающего, что от него требуют сверху и снизу, умело проводящего свою мысль через рифы идеологических стереотипов и уклонов.

«Следует приветствовать, — писал он, — «Советскую Сибирь», которая в последнее время развернула особо энергичную и настойчивую борьбу с вредителями идеологического фронта».

«Нельзя, однако, придумать более бесполезного, да, и пожалуй, вредного занятия, чем стрельба по мнимому врагу. Такая стрельба уже по одному тому вредна, что отвлекает внимание от врага подлинного».

Далее в разделе с подзаголовком «Почему начинающим журналистам не следует учиться у О. Бара» он показывает, как газетчик искажал высказывания и Топорова, и коммунары, и секретаря райкома.

«Элементарная справедливость требует того, чтобы выдающаяся инициатива и энергия Топорова в культурной жизни коммуны были отмечены».

Рядом со статьей Нусинова опубликовано письмо в редакцию О. Барабышева, который кается с заметной долей лукавства: «Слабым местом в моей статье является то, что я принужден был полагаться не на документы, а на собственный слух».

В приписке от редакции говорится: «Редакция считает крупной ошибкой О. Бара то, что он, не имея достаточных оснований и не проведя необходимого серьезного исследования, фактически допустил незаслуженную дискредитацию в краевом органе хорошего культурного работника». В то же время отмечена ошибка редакции, поместившей разоблачительную статью, не подкрепленную необходимыми документами.

14 и 17 июня появилась статья с продолжением в окружной газете «Красный Алтай». Называлась она «Барнаульская «гидра». Автор ее, скрывшись под псевдонимом «Сеев», очень убедительно расправился с надуманными и заушательскими умозаключениями О. Бара и решительно встал на защиту разностороннего труда А. Топорова, критически обозначив фон, на котором особенно выпукло смотрится его деятельность. «Мы еще болтаем о культурной революции, а организовать досуга молодежи не умеем». «Следовало бы поделикнее обращаться с первыми ростками культуры в сибирской деревне, не топтать их сапожищами как попало».

Топоров в своем письме секретарю окружкома И. Нусинову писал: «За реабилитацию — несказанное спасибо! Вы написали крепкую статью. А Сеев, вероятно, равен Алексееву? Напишу и ему благодарности». «После таких статей, как Ваша и Сеева, хочется жить, работать и верить».

Но Адриан Митрофанович ошибся. За псевдонимом скрывалась выдающаяся личность — Л. С. Сосновский, член партии с 1903 года, много лет работавший в «Правде», редактор органа ЦК партии газеты «Беднота». В журнале «Вопросы истории КПСС» № 1 за 1990 год сказано: «Его высоко ценил Ленин, советовался с ним по деревенским вопросам...» В 1927 году он за участие в троцкистской оппозиции был исключен из партии и сослан в Барнаул. В экспозиции Алтайского краевого музея есть его фотография с Лениным и в семейном кругу, там же письма Топорову, где он призывает учителя не падать духом и продолжать работу.

Может возникнуть сомнение: не слишком ли здесь акцентируется внимание на одной статейке, хотя бы и в краевой газете, не делалась ли попытка раздуть из мухи слона?

Думается, нет. Вопрос стоял по-крупному. Топоров писал еще в 1926 году в журнале «Коллективист»: «Помните, наибольший момент прибыли дает капитал, который вложен в образование и воспитание юного поколения». Речь шла об отношении партии, власти, народа к культуре. Или действовать по-ленински, обогащая людей знанием всех богатств, что накоплены человечеством, и через это, как убедительно показал на своем примере коммунар Д. С. Шитиков, приводить к коммунистическим убеждениям. Или вдалбливать святые идеи речами и примитивизированными брошюрами, да и скороспелыми художественными поделками. Не случайно ведь коммунарка Шитикова пишет: «Признаться, некоторые старые книжки нам больше нравятся». Не случайно также и то, что в числе тех, кто травил Топорова, оказались некоторые авторы таких скороспелок, писатели, которым не нравилось, как их «разбирали коммунары». Кое-кто из них опустился до жалоб в инстанции, смахивающих, как и статья Барабывшева, на политические доносы, в результате чего и был репрессирован Топоров.

Вред подобных публикаций и в том, что они дезориентировали молодежь, на-

страивая ее на разрушение всего старого.

Тому мы тьму примеров слышим.

Не оказалась монолитной и сама коммуна.

Из письма А. Топорова секретарю окружкома И. С. Нусинову. Написано оно, видимо, во второй половине июня 1928 года и, насколько мне известно, не публиковалось.

«Дорогой Исаак Соломонович!

Как Вы уже знаете, меня травят снова.

На этот раз удар в спину я получил внутри коммуны, точнее, от немногих ее членов и от молодежи. После вашего отъезда из коммуны мы начали было решительную борьбу с распоясанностью, но идеологам антидисциплины оказался секретарь ячейки Корляков! Приезжайте, чем скорее, тем лучше...»

Что же случилось в то время, когда, казалось, учителя защитили?

Кое-что проясняет имеющаяся в партиархиве записка председателя совета коммуны «Майское утро» П. Зубкова тому же Нусинову, датированная 14 июня 1928 года.

«Тов. Нусинов!

10—11 июня у нас в коммуне была экскурсия из учеников школы III Коминтерна, которая из экскурсии превратилась в следственную комиссию.

Дело было так. У Топорова вышел конфликт с двумя-тремя ученицами-комсомолками, которые нашли нужным пожаловаться этим экскурсантам. Те собрали все эти жалобы, иначе говоря, сплетни, и, вероятно, на днях они к вам поступят. Я прошу вас пока не придавать этому вопросу особо важного значения до выяснения более подробно этого дела.

Числа 18—19 июля я буду в Барнауле, найду к вам, и, если у вас найдется время, обскажу все подробно и вероятно привезу от коммуны материал.

С товарищеским приветом П. Зубков».

Документ такой действительно поступил. Это протокол собрания учащихся-комсомольцев в присутствии секретаря ячейки Корлякова и руководителя экскурсии Копытова от 11 июня. Собрание потребовало: освободиться от топовского влияния в школе и коммуне.

В чем же обвиняли учителя?

Собрали все обиды на него за годы учебы.

Во время занятий, если что выйдет неправильно, выгоняет из школы.

Припомнили, что весной 1926 года не пришли вовремя для подготовки к Первомаю, стал всех ругать. Носова назвал лупленой картошкой, Блинова — кошкодером, а Бельского, когда он ошибся во время репетиции оркестра, — мартовским котом.

Когда-то девушки пришли в школу в коротких юбках и блузках с короткими рукавами, учитель «закричал», что они школу превращают в веселый дом. А Шульгину он однажды назвал «трепыхосткой».

Они собрались вечером в школе, стали

играть в «подмигушки», а он пришел и выгнал.

Однажды он сказал, что пьеса современного советского автора Ляликова «Дело мастера боится» крошки не стоит по сравнению с не нашим произведением Молвера (так написано) «Пурсоньяк».

Подошел раз Корляков к Блиновой, а «он» увидел и сказал: «Ты, что, Васька, хлестываешь за ней?»

Поэтому Корляков заявил на собрании: «Топоров за последнее время показал свою антисоветскую рожу. Просьба поскорее убрать его из коммуны».

Сейчас бы это назвали экстремизмом, юношеским максимализмом. Но возникает вопрос: почему же присутствующий на собрании секретарь партячейки, тот же Корляков, не только не попытался урезонить обиженных, но и подписался под протоколом? Можно только предположить, что он решил ориентироваться не на окружок, который далеко, а на райком, с которым каждый день имел дело. Возможно он даже стал проводником противотопоровской «линии» райкома в коммуне.

13 июня совет коммуны, рассмотрев вопрос о конфликте между учителем Топоровым и учениками 5—6 групп наметил меры по улучшению воспитания молодежи и оказанию помощи учителю.

Коммунары на общем собрании 16 июня обсудили доклад совета коммуны по этому вопросу.

ИЗ ПРОТОКОЛА СОБРАНИЯ

«Зубков П., докладчик, председатель совета коммуны:

— Когда у нас в коммуне был тов. Нусинов, то в своем докладе он говорил, что старые коммунары прошли суровую школу жизни, поэтому у них больше стремления, больше обдуманности в отношении коллективизации сельского хозяйства. Он указывал, что комсомол в коммунах особенно плохо развит и плохо разбирается в современных хозяйственных и политических вопросах. И это не потому, что они не понимают, а потому, что слишком обнадеялись на старых коммунаров. Нужно подтянуть комсомол, нужно заставить его работать. И вот как видите — результат первой работы нашего комсомола. Он выразился в том, что надо убрать учителя Топорова, который заставляет их работать. Комсомол заметил недостатки в работе Топорова. Спрашивается: вникал ли когда-либо комсомол в работу школы? Нет — никогда, и нисколько. А это надо было делать, это их работа. Правда, большим минусом надо признать в работе нашего совета и ячейки ВКП(б), потому что они тоже слабо занимались комсомолом и школой. Это немедленно надо исправить, в работу их надо серьезно вникнуть, а не сваливать ее на одного Топорова, который перегружен работой по горло.

Тубольцев И. И.:

— Работа Топорова хороша, но он иногда ругается и изгляется, и вот за это мы постановили убрать его.

Бочаров А. И.:

— Несколько наших комсомольцев вынесли такое решение: убрать Топорова. Я нахожу такое решение необдуманным. Топорова обвиняют в недостатках. Я спрашиваю, что мы, комсомольцы, сами что-нибудь сделали для того, чтобы устранить эти недостатки? Ничего не сделали. А требуем от него мы все. Нужно нам на самих себя оглянуться.

Шульгин Т.:

— Топоров раньше был хороший мужик и учитель. Хорошего много для коммуны сделал. За это ему спасибо. А теперь он испортился и можно его уволить.

Зайцев А. А.:

— Все культурные достижения в нашей коммуне они сделаны при постоянной и напряженной работе Топорова, надо это учитывать, товарищи!

Блинов Е. С.:

— Кроме немногих недостатков, у Топорова есть много хорошего. Он стал слишком нервный, но надо сознаться, что эта нервозность, она им получена на нашей работе. Мы, родители и комсомол, помогаем ему что-нибудь в работе? Ничего не помогли, а навалили на него шесть групп и требуем от него хладнокровия. Я часто слышу от новых коммунаров, что они шли в коммуну «Майское утро» только потому, что здесь культура, дети развиты, музыка. Я знаю учителей, они вежливые и пьют вместе с мужиками, но они тем замечательны, что ничего не делают.

Бочаров Ф. З.:

— Я вот член ВКП(б) и много бывал по коммунам и по другим школам, но так, как у нас поставлена культурная и школьная работа, я нигде близости не видел. Совершенно верно, у Топорова есть недостаток один — это вспыльчивость, а мы разве не бываем такими? Я сознаюсь, что до сих пор, как член партии, ничего не предпринял для устранения этого недостатка. Так теперь общими силами: и совет, и ячейка будем помогать Топорову, вот что надо делать, а не бить человека по щеке попредательски. И уверен, что мы быстро изживем эти недостатки.

Шитиков Д. С.:

— Я удивляюсь, что мы живем в коммуне 8 лет и не можем догадаться, в чем тут дело. Вот мы говорим, что Топоров раньше был лучше, а теперь хуже. Помоему, тут дело вот в чем. Первые годы у нас в школе было две-три группы. Он с ними справлялся легко и работал спокойно. Но дальше дело доходит до шести групп, а Топоров все один. Ясно, что работа стала сложнее и тяжелее, а помощи с нашей стороны никакой. И человек начинает нервничать. Надо изжить эти недостатки, а не гнать Топорова.

Шитикова М. Т.:

— Мы и наши комсомольцы оказались в таком примерно положении, как у Крылова в басне. Свинья наелась желудей под дубом, потом давай его же подкапывать. Человек все силы положил для наших детей, и вот одна-две ошибки и все заслуги полетели. Так жить нельзя. После такого

случая к нам никто не пойдет работать в коммуну.

Блинова Т. П.:

— Если наш комсомол выгонит Топорова, то дело худо будет. Вот он нам часто читает, а мы критикуем. И это развивает наши головы. Что ни дальше, то чаще мы начинаем ходить в школу. У кого есть еще такое развлечение, как у нас? А ведь это все Топоров. Без него мы закинем, тоскливо будет, хуже, чем в деревне.

ОБЩИЙ ВЫВОД

Рассмотрев и обсудив вопрос, общее собрание членов коммуны отмечает, что постановление ячейки комсомола об увольнении Топорова считать явлением ненормальным. Поручить совету коммуны перед вышестоящими советскими и партийными органами опротестовать это постановление, а поступок комсомола считать необдуманным и опростетчивым. Совету коммуны и ячейке РКП серьезнее вникнуть в работу школы. Самому комсомолу также заняться более серьезной работой, а не шалопайничать, как это было до сих пор.

По поручению общего собрания подписали: Зубков, Блинов, Шитиков, Бочаров, Крюков, Шитикова».

Тут бы и поставить точку. Порок наказан, справедливость восторжествовала.

Но ведь коммуна жила, коммунарские взгляды не меняли, а командная система крепла и свирепела. Схватка была неизбежна.

В 1929 году коммуны заставили укрупниться, причем с губительной решительностью, посевные площади довели до 1151 гектара (было около 300), к бывшим 165 коммунаркам добавилось 328. Этим хотели добиться повышения товарности производства коммуны, интенсификации труда. А получили неуправляемость, расхлябанность сборного коллектива.

В декабре 1929 года бюро Косихинского райкома вынуждено было констатировать «закупорку коммуны». Ушло под снег 30 гектаров хлебов, сгноили не обмолоченными еще 70 гектаров. Партийная ячейка и председатель совета коммуны получили выговоры. Предложено «очистить коммуны от классово-чуждых элементов» и увеличить (!) посевы до 4000 гектаров. На следующий год плановую довели до 5200 гектаров.

Коммунарские пытались сопротивляться. В феврале 1930 года они направили в Сибкрайком ВКП(б) протокол собрания партячейки, где писали: «Считать постановление райкома неправильным, односторонним».

Тут примешалась еще одна «вина» коммунистов: они никак не находили в своем коллективе кулаков. Тогда райком послал комиссию, которая таковых «выявила».

Заседание секретариата Сибкрайкома от 18 мая 1930 года отметило наличие в коммуны «болезненных явлений», выражающихся в замкнутости коммуны, семейственности, в игнорировании руководства

местных организаций, а также наличие чуждых мелкобуржуазных настроений, сводящихся к отрицанию классовой борьбы, отрицанию необходимости вычищения кулаков. Партячейка в коммуны не только не организовала борьбы против чуждых элементов, но и сама сделалась выразителем правооппортунистических настроений.

Попытки насильственного «оздоровления» предпринимались не раз в течение еще трех лет, заменялись руководители и секретари партячейки. В начале 1934 года «по требованию масс» все коммуны Косихинского района разом переведены на устава сельхозартелей.

В 1935 году в докладной записке Западно-Сибирскому крайкому партии райком, анализируя положение в коммуны, вынужден был признать:

«В прошлом это была одна из экономически крепких коммуны в районе. Но размеры хозяйства (после укрупнения. — Я. К.) были не в соответствии с наличием тягла и рабочей силы. То есть имеющимися силами коммунарские не могли справиться с наваленными на них объемами производства. Потому райком предлагал сократить колхозу плановые размеры посева и поголовье скота. То, чего добились с самого начала укрупнения коммунарские».

Однако и после этого колхоз продолжал оставаться самым крупным в районе, центр его перевели в другое село, а поселок «Майского утра», став подразделением колхоза, хирел и попал в неперспективные. В середине семидесятых годов отсюда вывезен последний дом.

Начало тридцатых годов — пик славы А. М. Топорова и апогей беспрецедентной травли сельского учителя. В 1930 году в Москве выходит его ни на что не похожая книга «Крестьяне о писателях», которая получает мировую известность. Опыт провинциального просветителя одобрен Международным библиотечным институтом в Лозанне. Руководитель института известный русский библиограф Н. А. Рубакин прислал восторженное письмо Топорову.

А родные «Сибирские огни», где сменилось руководство (его захватили «сталинские соколы»), в № 6 за 1930 год обрушились на книгу с обильной напористостью. Якобы за крестьянской критикой писателей «стоит аполитичность, беспартийность, идеализм, поповщина». Прославившийся своей оголтелостью сибирский журнал «На литературном посту» в № 23—24 за 1930 год в статье «Против топоровщины» характеризует деятельность Топорова как контрреволюционную. Даже такое научное издание, как «Сибирская энциклопедия», в вышедшем в 1932 году 3-м томе так «увекочивает» выдающийся труд: «Книга Топорова «Крестьяне о писателях» — образец беспринципной, антимарксистской критики литературных произведений».

Одна за другой посылаются на коммуны и ее учителя проверки и комиссии. В начале 1932 года их проверяла очередная «краевая бригада». Косихинский райком партии, рассмотрев итоги обследования, постановил: «С выводами бригады не согласиться вследствие того, что выводы ее апо-

литичны, насквозь пропитаны гнилым либерализмом (любимое сталинское выражение. — Я. К.), характеризуют учителя Топорова только с лучшей стороны». Райком поддержал решение госорганов «в части снятия учителя Топорова с работы в коммуне «Майское утро» как проводящего в школе чуждую идеологию в воспитании детей».

Около десяти месяцев Топоров оставался без работы. Одно время ему перестали отпускать продовольствие, полагающееся учителям, не давали лошадей для поездки в райцентр и на железнодорожную станцию. Он был вынужден уехать с Алтая.

В мае 1937 года А. М. Топоров арестован в Ременской школе под Москвой. Как он пишет: «Я 21 годок носил незаслуженное и оскорбительное звание «врага народа». Приходится благодарить судьбу за то, что сталинские 6 тюрем и два лагеря в архангельских лесах не укукошили меня». Таким вот живым и сочным языком написаны его мемуары и письма, многие из которых, к сожалению, не опубликованы.

Освободив из лагеря в 1943 году, его направили в ссылку в глухое село Кашка в Татарии. «Для меня наступили черные дни, хуже, чем в лагере!» Работал он в колхозе, на трудодни ничего не давали. Подсобного хозяйства и огорода, чем кормились местные жители, у него не было. В 1944 году его отпустили на родину в курское село Стойло, разоренное оккупацией. Жена была на фронте. Но в 1947 году он снова оказывается в ссылке, теперь уже в Талды-Кургане. «Как сидевший по 58 статье я не пытался возвратиться в армию работников просвещения». Пришлось наниматься музыкантом в ресторан, что на базаре. Комната, в которой он жил, не отапливалась даже зимой. «Спал я в такой обрядке: на голове шапка, ноги в шерстяных чулках и валенках, сверх старого пальто на енотовом меху я натягивал овчинный барнаульский тулуп. И ни черта. Всю зиму так спал. Бани не было». Через два года его окончательно освободили. «16 октября 1948 года с самолета-кукурузника я послал последнее прости городу».

Без малого сорок лет он живет на Украине, в Житомире и Николаеве, ведет удивительно активную для пенсионера творческую жизнь, огромную переписку с десятками адресатов в стране и за рубежом, создает пособия начинающему скрипачу, изучающим эсперанто, сборник занимательных задач для совершенствования в языке, пытается продвигать свои просветительские идеи.

В 1951 году он пишет письмо А. Фадееву — руководителю Союза писателей: «Как это ни странно, а низовая народная масса еще не участвует в оценке произведений и литературы и музыки. Я говорю здесь о рабоче-крестьянской критике».

Но даже после нового взлета его славы, связанного с полетом в космос его духовного внука космонавта-2 Г. С. Титова, когда вновь в Москве и Барнауле переиздана книга «Крестные о писателях», когда о нем снят документальный фильм «Незримый пассажир», на Алтае опубликована

книга «Счастье Адриана Топорова» В. Гусельникова, когда его статьи охотно берут газеты и журналы всей страны, он с горечью пишет:

«И тем не менее ни педагоги, ни культпросветчики Николаева и его области **ничего от меня не восприняли и не приняли в своей работе** (подчеркнуто им)».

Эти слова с полным основанием можно отнести и к библиотекарям и культпросветработникам Алтая.

До самой смерти в 1984 году, на 93 году жизни, Адриан Митрофанович — последний могикинин коммуны — вновь и вновь в письмах и воспоминаниях возвращается к счастливым дням.

Из письма педагогу А. М. Нехамису — мужу Раи Шитиковой, дочери «коммунара друга моего Д. С. Шитикова»:

«Да, там удалось мне развернуть культурно-просветительную работу так, как хотела душа моя. Мои незабвенные, славные, умные друзья-коммунары предоставили мне широкую возможность приложить к делу их просвещения все мои знания, всю любовь и всю энергию».

Ветренный и солнечный день сентября 1986 года. На коммунарском поле близ дороги Косиха—Верх-Жилино — знамена, звуки музыки, пестрые толпы народа. Несколькими днями до этого здесь в чистом поле колдовал со своими помощниками алтайский художник А. П. Щепланов — возводя стелу и памятные надписи. А накануне площадку у ее подножья бетонировали работники Косихинского райкома партии во главе с главным заводилой по установке памятника коммунарам — секретарем райкома В. А. Гастеевым.

Много лет вздымало из своих недр это поле золотые хлеба, много пота крестьянского приняло, сколько людей накормило. Но никогда не видело такого нашествия празднично одетых людей, машин, микрофонов, не слышало столько музыки, речей, песен. Некоторую особинку празднику придавало то, что он снимался кинооператорами Центральной студии документальных фильмов во главе с украинским кинорежиссером Р. П. Сергиенко. Они создали фильм о коммуне.

Поло странно было слышать выступления пахавшего его шестьдесят лет назад коммунара Г. З. Бочарова и боронившего его в далеком детстве сына председателя коммуны — А. М. Крюкова, который утверждал, что «в коммуне никто не бездельничал».

Необычную речь — приветствие в стихах собственного сочинения произнес воспитаник коммуны отец космонавта-2 Степан Павлович Титов.

Дочь коммунара В. А. Титова сказала: «Думаю, будет правильно считать этот знак памятником всем коммунарам Алтая».

И вот заметалась на ветру вызревшая пшеница. Издалека от того места, где располагалась коммуна, к памятнику двинулась мощная шеренга комбайнов, управляемых правнуками коммунаров, они красноречиво продемонстрировали непрерывность крестьянского труда, бессмертие хлебоборобского дела...